

КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – 20 ЛЕТ: ГОСУДАРСТВО, ДЕМОКРАТИЯ, ЛИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАКТИЧЕСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

© 2013 г. Борис Сафарович Эбзеев¹

Краткая аннотация: статья посвящена 20-летию Конституции Российской Федерации и проблемам конституционализации современной государственной бытийности России, позитивным основанием которой выступает социальная солидарность.

Annotation: the article is devoted to the 20 anniversary of the Constitution of the Russian Federation and problems of the process of constitutionalization of the modern state of beingness Russia, positive basis of which is social solidarity.

Ключевые слова: Конституция, демократия, социальная солидарность, правовое государство, права и обязанности человека и гражданина.

Key words: Constitution, democracy, social solidarity, the rule of law, rights and duties of man and citizen.

Обильный событиями 1993 г. оказался кульминационным пунктом в определении будущего России. Историки проникнут во все тайны бытия и причинности событий начала 90-х годов, социологи установят взаимосвязи и взаимодействия между фактами, философы осмыслят проблему в целом. Конституционное совещание, оцениваемое в широком контексте эпохи и как результат социально-экономического, политического, духовного развития, ждет своих исследователей. Причем за пределами их внимания не должна оставаться одна из особенностей доминировавшей социально-психологической атмосферы: общество сильно желало перемен, смутно представляя себе их цели, но вовсе не оправдывало те методы преобразований, которые использовала власть под звучащие рефреном лозунги о демократии и правовом государстве, свободном рынке и будущем изобилии, тем более что под этот убаюкивающий рефрен цинично разворачивалась публичная собственность, созданная трудом многих поколений, а вдруг проявившиеся всеисилие денег и продажность политической власти как ржа железо разъедали отечественную государственность. Торжествовали не лучшие, а самые пронырливые и вороватые, равнодушные к государственной бытийности России и ее цивилизационной идентичности. С этой точки зрения Конституционное совещание было шансом. Для одних – сохранить и возродить Российское государство, для других – добиться желанных целей социального устрое-

ния России, для третьих – удовлетворить собственную корысть, ибо во все времена в Отечестве нашем были беспринципные хищники, гребущие под себя, и подвижники, служившие общему благу; были люди, жаждущие своей правды, и люди, ищущие правды для всех.

* * *

Доминирующей тенденцией этого периода выступала философия свободы, казалось бы, эклектично соединявшая в общественном сознании ценности индивидуализма и коллективизма, свободы, воспринимаемой как освобождение от государственного патернализма, равенства и справедливости, невозможных вне государственного регулирования. “Меньше государства – больше свободы”, с одной стороны, и обширные социальные ожидания – с другой, которые демократия в принципе не в состоянии удовлетворять. Конституция, разрабатывавшаяся в этих условиях, не могла не отразить в своем содержании различные течения общественной мысли, которые при всей разности их исходных посылок и конечных выводов были едины в выборе демократии, которая для одних выражалась в минимизации государства и превращении его в “ночного сторожа”, а для других – в восстановлении функции социального служения государства как фактора благополучия народа и прогресса общества.

Несмотря на то что во взглядах многих участников Совещания, относящихся, казалось бы, к разным социальным и политическим течениям, доминировал примат индивидуального в конструировании будущего государства и его

¹ Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

взаимоотношений с человеком, попытка отдать коллективизм под суд научной философии не удалась. Не удалась и попытка слепо скопировать чуждую духу нашего народа и его тысячелетнему опыту государственной бытийности социальную организацию, в которой государство будет ограничиваться чисто полицейской ролью и не станет касаться ни экономики, ни морали, ни образования, науки, культуры, литературы или религии.

Возможно, именно это: преодоление противоположности между индивидуальным и коллективным и закрепление их баланса в организации взаимоотношений личности и общества, — и есть главное в характеристике действующего Основного Закона, делающее честь современному практическому отечественному конституционализму. Коллективизм, исходивший первоначально из права общества распоряжаться своими членами по собственному усмотрению, пришел к осознанию права личности на общество, которое обязано заботиться о его нуждах и способствовать его развитию. Такое осознание вылилось в конституционном провозглашении социального государства и экономических, социальных и культурных прав. Индивидуализм, изначально основанный на признании равенства перед законом и судом и с неизбежностью приходящий к согласию с социальными привилегиями, протекающими из обладания собственностью, удовлетворился провозглашением принципа правового государства.

Результатом такого синтеза явилось демократическое, социальное, правовое государство. Такое решение не есть обманчивая политико-юридическая форма, явившаяся данью противоречивой эпохе конца 80 — начала 90-х годов минувшего века. Это — отражение объективной диалектики взаимодействия личности и общества на современном этапе цивилизационного развития России и ответ на вызовы социальной практики, повелительно требующей соединения свободы личности и силы государства, которое ответственно не только за поддержание правопорядка, но и за социальное благополучие народа. Тем самым был положен конец великому социальному эксперименту, началом которого была Революция, а страна возвращена на дорогу естественноисторического эволюционного развития.

Другое дело, что в течение последних двух десятилетий Российское государство развивалось преимущественно под влиянием устаревших трендов промышленного капитализма и мифологии “свободного рынка”, не отвечающих по-

требностям ускорения прогресса страны. Власть в России всегда была главным двигателем культуры и прогресса. Этого нельзя забывать, как нельзя не замечать, что глобальная конкуренция, присущая постиндустриальному развитию человечества, остро ставит и вопрос о способности Российского государства гарантировать национальные интересы страны, сохраняя при этом ее цивилизационную и государственную идентичность. Современная демократия с действительно характерными для нее конституционализацией межгосударственных и интернационализацией внутригосударственных отношений не в состоянии сама по себе гарантировать интересы России и не исключает попыток экономической или политической и даже военной экспансии отдельных государств или их группировок, связанных тесными узами, чем (в том числе) предопределяется роль Российского государства не только во внутригосударственных отношениях, но и в международном общении².

В связи с этим основная задача отечественной науки о государстве и праве и практики государственного строительства, требующая решения на данном этапе развития России, заключается в том, чтобы найти такую государственно-правовую организацию общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного в развитии государства и прочного правопорядка как необходимого условия поступательного развития общества могла бы соединить с другим императивом эпохи — свободой личности. При этом следует предостеречь от попыток нарисовать заманчивый образ будущего и навязать его обществу; речь должна идти о конституционализации самой организации и деятельности государства. Действующая Конституция дает ключ к решению этой задачи как раз потому, что базируется на балансе интересов личности и общества, преодолевающем крайности индивидуалистического и коллективистского представлений о сочетании и взаимодействии индивидуального и коллективного, способном гарантировать личность от произвола общества, а общество — от анархического своеволия личности, чреватого разрушением общества и неисчислимыми страданиями самого человека.

Эта базовая для солидаристской теории идея имеет глубокие корни в отечественной социогуманитарной науке, прежде всего философии, социологии, социальной психологии, этике, а также

² См.: Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2012. С. 5.

юриспруденции³. Она преодолевает односторонность этатизма и либерального индивидуализма, тем самым открывая возможность мобилизации на основе согласования их интересов всех социальных субъектов и прогресса социума при сохранении его цивилизационной и государственной идентичности.

Солидаризм, разумеется, не означает совпадения интересов личности и общества или иных социальных структур или слияния этих интересов в нечто единое. Общество никогда не было простой совокупностью своих членов. Подобно этому общественные интересы не есть лишь сумма личных интересов. Интересы индивида и интересы коллектива, общества, государства – объективная реальность, развивающаяся по законам диалектики.

Но это (вопреки распространенному мнению) не означает, что социализация и индивидуализация исключают друг друга. Напротив, в их синтезе, соединяющем справедливость и свободу в ее сопряжении с равенством, заключено будущее отечественной государственности и права. Существо современного решения проблемы может и должно заключаться в том, что оно, отрицая характерные для прошлого гипертрофированные представления об индивидуальном или коллективном начале в юридической доктрине вообще и концепции прав человека и его взаимоотношений

с обществом и государством, иными формами коллективного бытия, в частности и особенности, признает необходимость органичного соединения в содержании прав и обязанностей человека и личных, и коллективных начал во всем многообразии форм ассоциированного бытия людей.

В адекватном правовом отражении такого равновесия во власти, суверенитете, свободе личности, организации федеративных отношений и регулировании собственности, налоговой и бюджетной системе и т.д. – неперенное условие прочности конституционного строя и стабильности самого государства и его правовой основы. В противном случае солидаристская идея останется не более чем риторикой, используемой властью в качестве способа ее дополнительной легитимации или основания для требования односторонней лояльности общества и его сочленов или ее принудительного обеспечения.

Если перевести эту дискуссию в плоскость конституционного обустройства России, речь (в том числе) идет о сохранении или отказе от функции социального служения государства и закономерностях современного этапа цивилизационного развития общества, которое в российской действительности невозможно вне социальной солидарности. Отказ от функции социального служения государства с неизбежностью приводит к отрицанию вмешательства последнего в социальную и экономическую сферы, что было характерно для более ранних этапов развития либеральной мысли. Между тем даже неолиберализм такого вмешательства (правда, в ограниченных масштабах) не отрицает, следовательно, признает и наличие у граждан не только гражданских и политических, но также социальных и экономических прав, так называемых прав-притязаний, из которых органично проистекают особенности конституционного регулирования отношений собственности.

Конституция, закрепив синтетическую модель организации социума и правового статуса человека и гражданина как ее части, соединила ценности свободы, включая здоровый индивидуализм, предприимчивость и инициативу, с ценностями ответственности, присущей коллективизму, в том числе взаимные обязанности личности и государства, а также сочленов общества как формы и способа выражения социальной необходимости. Именно эта социально-либеральная модель оказалась наиболее востребованной обществом.

Мудрые берут из исторического прошлого не пепел, а огонь. Коллективизм в его гипертрофированном виде, доминировавший в недавнем прошлом, рухнул. Но нельзя на его развалинах позволить расти чертополоху агрессивного ин-

³ Учение о социальной солидарности обычно связывают с именами немецкого историка и социолога Георга Зиммеля (1858–1917), а также французских социолога Эмиля Дюркгейма (1858–1917) и юриста Леона Дюги (1859–1928). В действительности это учение имеет неизмеримо более глубокие корни. Оно активно разрабатывалось отечественной социальной наукой. См. подробнее: *Соловьев В.С.* Оправдание добра. СПб., 1897; *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности. Избр. труды. М., 1999; *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991; *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Ч. 2. М., 1897; *Яценко А.А.* Очерки науки о государстве. М., 1909; *Ковалевский М.М.* Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991; *Гуссейнов А.А.* Золотое правило нравственности. М., 1988; *Эбзеев Б.С.* Конституция. Демократия. Права человека. М., 1992; *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007; *Гинс Г.К.* Современный капитализм и предстоящая эпоха (Философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди. М., 2007; *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008; *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009; *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М., 2011; *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011; *Невинский В.В.* Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти. М., 2012; и др.

дивидуализма, не облагоустроенного культурой и традицией, принося ему в жертву великие коллективные интересы: фундаментальную науку, литературу, искусство, само Российское государство как главного движителя развития и прогресса, — которые связывают чувства и умы и являются самой сильной скрепой естественного человеческого общежития.

В этом — смысл солидаристского понимания парадигмы государственно-правового бытия социума, существенно отличающегося от традиционных для индустриального общества представлений, основывающихся на либеральном индивидуализме, либо от доминировавшего в нашем недавнем прошлом этатизма. Из такого понимания и вытекает соединение принципа сильного и дееспособного государства, способного эффективно и правовым образом воздействовать на все сферы общественной действительности во имя утверждения социальной справедливости, с прочной гарантированностью свободы личности.

Другое дело, что принцип социального государства во многом остается нереализованным, а политика в социальной сфере нередко бывает далека от установленных Основным Законом ориентиров. И проблема далеко не всегда заключается в состоянии экономики, но в избранных властью социальных ориентирах и ее экономической политике. Но в этом нет вины Конституции, которая, как и общество в целом, во многом продолжает оставаться жертвой мифа о том, что имманентная “свободному рынку” функция саморегуляции якобы исключает государственное управление социально-экономическими процессами, а это, в свою очередь, ведет к игнорированию конституционных обязанностей публичной власти, вытекающих из принципа социального государства. Воистину нет ничего опаснее для новой истины, чем старое заблуждение!

Но в описываемый исторический период общество еще плохо представляло себе смысл принципа социального государства. Что же касается идеи правового государства, именно она общественно-политической и юридической мыслью России конца 80 — начала 90-х годов XX в. была выдвинута в обоснование грядущих преобразований. Тем самым была выполнена критическая по отношению к недавнему прошлому отечественной государственности работа. Но одновременно эта идея дала современному обществу оружие, в данных исторических обстоятельствах единственно пригодное для упрочения демократических преобразований. Если это оружие обществом будет утрачено, то останутся только сила и неизбежный возврат к старым ошибкам.

Конституция не содержит определения правового государства. Что же касается конституционно-правовой доктрины России, в ней имеется согласие относительно существенных элементов правового государства, но нормативное содержание этих элементов, их юридическая, а нередко и политическая природа объясняются неоднозначно, и поэтому целостная картина правовой государственности в Российской Федерации выглядит по-разному в зависимости от исходных посылок исследователей.

Во многом это связано с тем, что понятие правового государства в России, как и многие иные фундаментальные категории государственности, интерпретируется в отрыве от Конституции. Напротив, сама Конституция нередко интерпретируется сквозь призму априорных теоретических представлений о правовом государстве, сложившихся до или вне Конституции, и в случае несоответствия между ними корректируется не доктрина — под сомнение ставится “конституционность” самой Конституции. Между тем объяснение правовой государственности в России должно основываться не на абстрактных представлениях, сложившихся вне Конституции, а на ее воплощении в Основном Законе Российской Федерации и практике реализации принципов правового государства, как они закреплены в Конституции, в деятельности законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Один из основных признаков такого государства заключается в том, что государственная власть в нем ограничена. Речь не об объективной ограниченности государства экономическими, социальными или геополитическими факторами, а об установлении Конституцией и действующим законодательством пределов государственной власти, которые последней не могут быть преодолены правовым образом. В действительности речь идет об обязанности всех государственных властей и их должностных лиц соблюдать Конституцию и действовать совместимым с законом образом.

При этом ограничение государственного вторжения в сферу индивидуальной автономии личности осуществляется посредством признаваемых за человеком и гражданином неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть нарушены или произвольно ограничены государством. Именно благодаря этим правам — экономическим, социальным и культурным, а также гражданским и политическим — государственная власть не только ограничивается по сферам своего проявления и способам воздействия, но и становится подзаконной. Наличие у индивида гарантированных прав

и свобод превращает его в “равноправного партнера” государства, способного предъявлять к последнему правовые притязания, обоснованность которых устанавливает суд, и тем самым способствует утверждению законности в деятельности государства.

Основные принципы правового государства: легитимность публичной власти, взаимная ответственность государства и личности, разделение властей, новый, более высокий уровень законности, единство естественного и позитивного права и связанная с ним тенденция сближения права и морали, – оказывают решающее влияние на его организацию и функционирование. Конституционному государству присуща определенная организация власти – не подавление властью индивида как отдельной личности, так и совокупного человека – народа, но участие их в организации власти в правовом государстве. В основе правового государства лежит народный суверенитет; юридический догмат народной воли, выдвинутый в период борьбы с абсолютизмом и как противовес ему, хотя и претерпел в течение более чем двух столетий серьезные изменения (от “народ в правовой сфере может все” до “народ в правовой сфере может не все, ибо пределы его суверенитета ограничены правами и свободами человека и гражданина”), но продолжает оставаться краеугольной основой современного государства и права.

Конституционно-правовое содержание принципа правового государства, однако, не ограничивается установлением правовых пределов государственной власти, соблюдение которых контролируется судом, во имя свободы и неотъемлемых прав личности. Из Конституции вытекает, что и само государство также создает такие нормы и правила, которые гарантируют политическое единство народа и формируют основы правопорядка. Тем самым развитие политических процессов не ставит под сомнение идентичность государства и его жизнеспособность. Половодье демократии, способное выражаемой фразой “народ в правовой сфере может все” угрожать самому существованию общества, усмиряется гранитными берегами конституционализма. Речь в том числе идет о стабильном функционировании государства путем создания органов, осуществляющих его функции и действующих независимо от периодической смены политических элит, приходящих к власти в результате свободных выборов.

При этом важно иметь в виду, что согласно Конституции в основе правовой государственности лежат не только принципы, закрепленные в отечественной правовой системе, но и правила, при-

нятые в международном сообществе. Принцип правового государства выполняет в современных условиях интегративную функцию, обеспечивает взаимодействие сообщества правовых государств на основе получивших общее признание субъектов международно-правовых отношений принципов и норм, служит преодолению характерной для прошлого и во многом искусственной изоляции страны от международного сообщества.

* * *

Концепция демократического социального правового государства невозможна вне адекватного решения проблемы личности, занимающей одно из ведущих мест во всей социальной науке. По общему признанию, важнейшая отличительная особенность понятия личности в юридической науке состоит в том, что она рассматривается в качестве носителя прав и обязанностей, состоящего в определенных взаимоотношениях с государством. Права и обязанности личности – форма ее самоопределения и самовыражения. В них в том числе устанавливаются общие рамки независимости и социально активной деятельности человека, и одновременно эти права и обязанности являются способом поощрения той деятельности, которая выгодна и угодна обществу, способствует упрочению конституционного строя, который, в свою очередь, создает юридические условия для развития самой личности в общении с себе подобными и процессе их воздействия на природу и общественные отношения.

Государство признает и охраняет достоинство личности и проистекающие из него права, являющиеся атрибутивными качествами всякого человека и не зависящие от государственного признания. Причем в иерархии конституционных ценностей человек, его права и свободы занимают доминирующее положение. Тем самым человек выступает в качестве цели, а не средства достижения неких надличностных целей.

Отсюда не следует, что Конституция абстрагируется от конкретных исторических условий либо конструирует личную свободу вне общества. Личность не является ни изолированным от общества индивидом, ни безликой его частицей. Гарантируемые Конституцией свобода и права личности не устраняют ее зависимости от других лиц, семьи, общины, образующей местное самоуправление, и особенно от государства, поскольку личность выступает в качестве носителя конституционных и иных обязанностей человека и гражданина. Тем самым Конституция нормирует статус личности, состоящей во множестве отношений и определяемой ими, а также несущей

щей свою долю ответственности за формирование и поддержание той социальной общности, сочленом которой она состоит. В таком балансе индивидуального и социального заключено базовое начало конституционного нормирования статуса личности.

Проблема личности в юриспруденции имеет еще один аспект, обычно остающийся за пределами внимания науки, хотя он непосредственно вытекает из закрепленного в Конституции России принципа правовой государственности. Эффективность функционирования правового государства обусловлена тем, насколько оно сопрягается с правовым обществом и правовой личностью. Как еще в начале XX в. писал известный русский государствовед Б.А. Кистяковский, в идеале правовой личности – две стороны: личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободами и свободно пользующейся ими⁴.

Развитая демократия отличается совпадением интересов личности и общества в обретении свободы. Понимание прав человека только как способа самоопределения личности в ее противостоянии с чуждыми ему обществом и государством давно устарело. Речь сегодня идет о том, что права человека есть одновременно способ социализации. Непременным условием такой социализации выступает законопослушание, базирующееся не на равенстве в бесправии, а на равенстве в правах и равенстве в обязанностях и свободе.

В связи с этим следует решительно отвергнуть тезис о противостоянии свободы и равенства. Оснований для утверждения, что развитие свободы шло в ущерб развитию равенства, невозможно отыскать. Не следует открывать склеп, в котором покоятся останки давно изживших себя теорий. В современном понимании правовая личность – не оторванная от реалий общественной жизни цель и не совершенное воплощение в человеке определенных качеств. В основе “правовости” личности – конституированные правом индивидуальные и социальные интересы и вытекающие из них требования и соответствие этим требованиям поведение личности.

Концепция правовой личности находится в особенно тесной связи с требованиями социальной солидарности, базирующейся, в свою очередь, на разделении труда, – механической, поддерживаемой силой государства и принуждением, и органической, поддерживаемой самой организацией

социально-экономических отношений и соответствующим этим отношениям законодательством. Она не только не чужда Конституции России, напротив, уже в преамбуле Основного Закона с высокой степенью формальной определенности выражены обе стороны правовой личности – ее свобода и ответственность. Если попытаться дать нормативное определение правовой личности, то в системе ее свойств и качеств можно указать на то, что правовая личность есть прежде всего свободная личность, обладающая духом гражданственности и готовая защищать конституционный строй России, способная осознанно нести тяготы во имя общего блага, которые являются основой коллективного бытия социума, и готовая возникающие споры и конфликты разрешать в рамках установленных Конституцией и законом способов и в соответствии с принятыми правовыми процедурами. “Правовость” личности вовсе не исключает критики и политической свободы, напротив, она может формироваться как раз в условиях свободы. Гражданский дух ведет к формированию той общей воли, которая направлена на общее благо и в которой выражается душа государства. Правовая личность есть гражданин, способный противостоять антиконституционным действиям, от кого бы они ни исходили – власти или толпы. В случае возникновения споров и конфликта интересов правовая личность ищет их разрешения не в стихии улицы и в кулачном “праве”, а в суде.

Единство людей и существующие формы их коллективности в демократическом правовом государстве вытекают не из государственного принуждения. Коллективность, понимаемая в самом широком смысле (семья, трудовой коллектив, общественное объединение, нация, народ и т.д.), имеет в своей основе естественную солидарность людей, которая благодаря Конституции обретает государственную организацию. Поэтому главный вопрос – не о допустимости конституционного признания коллективных форм жизнедеятельности социума, а о границах автономии индивида и пределах ее ограничения в общественных интересах или интересах иных сочленов общества, а также ограничения государства в смысле недопустимости его вмешательства в гарантируемую Конституцией сферу собственного усмотрения индивида.

Государство, как, впрочем, и иные формы коллективного бытия, при этом есть постоянная угроза человеку и его правам. Однако человек не может находиться вне государства и его конституции как способа закрепления универсального принципа свободы и ответственности, субъектами которых являются все участники конституци-

⁴ См.: Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Философия и социология права. СПб., 1998. С. 364.

онных правоотношений, а не только личность. Что же касается исходящей от государства угрозы правам человека, то в демократии она нейтрализуется бдительным общественным контролем, разделением властей и развитыми судебными институтами. Тем самым преодолевается и характерное для прошлого патерналистское видение свободы, а индивидам предоставляется широкий простор в сфере организации их отношений.

Конституция в связи с этим выполняет стабилизирующую и рационализирующую функцию, которая рефлексировала не только на гражданское общество и весь конституировавшийся в лице Российского государства народ, но и на каждого отдельного человека. Это означает, что правовая личность в демократии есть свободная личность, пользующаяся принадлежащими ей правами и свободами и готовая бороться за свои права в предусмотренных Конституцией и законом формах. Это – личность, дисциплинированная демократическим правопорядком, добросовестно исполняющая обязанности человека и гражданина, ответственная за государство и готовая отстаивать его конституционный строй вне зависимости от своих политических, социальных, религиозных или иных взглядов и представлений.

Это – самая общая дефиниция, которая многим может показаться оторванным от действительности или даже недостижимым идеалом. Но в том и особенность социальной науки, что, будучи воспринятой обществом, она способна оказать на него огромное влияние в качестве одного из факторов развития при условии, однако, что личность и государство в равной мере освоят принцип общего блага, составляющий смысл развитой демократии и предопределяющий организацию и деятельность всех государственных институтов и демократической личности, т.е. личности, которая, в отличие от либеральной личности, не тождественна атомистическому распаду общественной жизни, но, напротив, ответственна и несет свою долю тягот во имя общего блага.

Вопреки сложившимся взглядам концепция общего блага не была чужда отечественной религиозной, политической и правовой мысли, в которой, однако, в качестве парадигмы принципа общего блага выступали не идеи свободы и юридического равенства граждан, правового государства и господства права, а сотрудничество власти и общества во имя единства и целостности Российского государства. Лишь в конце XIX – начале XX вв. понимание общего блага утратило свой государственно-монархический смысл, заключающийся в трактовке просвещенного абсолютизма как воплощения высшего блага народа и

справедливости. На смену этим представлениям пришли взгляды о “росте в русском человеке морали альтруизма и общественности” и социальной солидарности на принципах правового государства, равенства и справедливости, в основе которых как раз и лежит общее благо.

При этом главная особенность интерпретации общего блага отечественной социально-политической мыслью этого периода заключалась в том, что акцент делался не на индивидуалистическом либеральном начале, несомненно, присутствующем в нем, а на учете индивидуально-коллективного характера общества. Отсюда проистекало понимание свободы не только как автономии личности от общества или государства, но и как способа ее социализации. Именно с этой точки зрения отечественная философия права отвергала одну из основных посылок классического либерализма, будто реализация частных целей имеет приоритет перед целями социальными.

Восприятие Россией общедемократических стандартов и их закрепление в действующей Конституции актуализировали концепцию общего блага и ее государственно-правового оформления. Речь идет о ценностях, которые являются значимыми для общества и его членов. В концепции общего блага “представлена правовая модель выявления, согласования, признания и защиты различных, во многом противоречащих друг другу интересов, притязаний, воле членов данного общества”⁵.

Общее благо не есть арифметическая сумма ценностей членов общества, общее благо и благо каждого – не одно и то же. В своем государственно-правовом бытии оно не равно ни частному благу, ни сумме благ всех. Стремление основать общее благо на началах индивидуализма в силу собственной логики ведет к минимизации государства, роль которого сводится к защите жизни, свободы и безопасности граждан и отрицанию универсальных ценностей, в рамках которых осуществляется общественное развитие⁶.

⁵ Нерсисянц В.С. Философия права. Учеб. для вузов. М., 1997. С. 70.

⁶ По замечанию Н.А. Бердяева, “индивидуализм есть судорога старого Адама, ветхой свободы... Свобода в индивидуализме есть свобода отъединения, отчужденная от мира”. Развивая эту мысль, философ подчеркивал, что “индивидуальность и индивидуализм противоположны. Индивидуализм – враг индивидуальности”; “в индивидуализме свобода получает ложное направление и теряется. Индивидуальность и ее свобода утверждаются лишь в универсализме” (Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 72). Спустя много десятилетий А.И. Солженицын пророчески предупреждал, что “существование общества “необузданных прав” невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не

В философии социального реализма речь идет об обеспечении равновесия индивидуального и коллективного как условия эволюционного (а не революционного) развития общества. Восприятие этого универсального закона Конституцией и адекватное правовое отражение такого равновесия в организации власти, суверенитета, свободы личности, федеративных отношений и конституционном регулировании собственности – непереносимое условие прочности конституционного строя и стабильности самой Конституции. Что же касается государства, оно является инструментом общественного согласия и компромисса, формирования определенного баланса индивидуальных и коллективных интересов. Соответственно, и Конституция в этом случае выступает как легитимация социального согласия и партнерства, гражданского мира, а не узурпированное меньшинством средство обеспечения его интересов.

В модели развития, избранной и закреплённой в Конституции РФ 1993 г., именно взаимоотношения государства и индивида в солидарном развитии всего многообразия легальных интересов, объективно развивающихся в обществе, занимают, пожалуй, главное место. Сегодня речь, по существу, идет об адекватности сложившейся на основании Конституции политической, а также социальной и экономической системы потребностям цивилизационного прогресса, невозможного, с одной стороны, без восстановления потенциала государственного управления, а с другой – подлинной свободы личности и сохранения индивидуальности человека.

Общее благо невозможно вне справедливости, равенства и свободы, социального мира и согласия, а также деятельности государства в русле сбалансированных индивидуальных и социальных интересов. Индивидуальный интерес не может быть удовлетворен вне рамок тех ценностей, которыми располагает общество либо менее универсальная ассоциация людей. Отсюда – востребованность не просто сотрудничества и взаимо-

действия людей, но всеобщей солидарности как парадигмы организации и функционирования социально-политического сообщества людей – свободных и равноправных, реально пользующихся двумя великими правами, синтезирующими все иные права и свободы человека и гражданина, – правом на жизнь и правом на развитие в их самом широком понимании.

Этим предопределяются роль, значение, функции государства как высшей объективной формы материализации социального сознания народа. Не индивидуализм, крепостной стеной отделяющий человека от себе подобных, должен определять вектор развития, но реальные потребности общества в целом и его сочленов. С этой точки зрения для общего блага в его конституционно-правовой интерпретации характерны социальность человека, объективированная в его общественной и государственной бытийности и выраженная в категориях “человек”, “гражданин”, “личность”, государство как высшая объективная форма социального сознания народа и его самоопределения, общедоступность составляющих общее благо ценностей, которыми располагает общество, должные гарантии конституционной модели организации государства и “правовости” власти, а также модели свободы и прав личности, основанные на равенстве и справедливости, а также ответственности. В данном контексте общее благо в его конституционном воплощении выступает в виде системного единства взаимодействующих и взаимопроникающих конституционных ценностей индивидуальной и социальной жизни, в числе которых – свобода, равенство и справедливость, Российское государство и его демократический конституционный строй, гражданский мир, согласие и прочный правопорядок, основывающийся на Конституции и правовом законе, наука, образование, культура, искусство, литература.

С этой точки зрения именно Конституция как способ закрепления и выражения высших правовых норм является так называемой абсолютной нормой, тем правовым началом, которое представлено в общем благе и которое не отрицает различий интересов, притязаний, воли, целей и т.д. отдельных субъектов, а предусматривает общее условие их возможности. Конституция выступает формой признания общего блага в его социальной и индивидуальной интерпретации и устанавливает правовые механизмы его реализации, объективирует субъективное понимание общего блага, определяет цели и средства их достижения во имя общего блага и устанавливает границы усмотрения государства по его достижению.

на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении... Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу” (*Солженицын А.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газ. 1998. № 38). Через несколько лет он вновь предостерегал: «Понятие “свобода”... взнесено до полного забвения обязанностей человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческие существа, пока... чувствуем на себе, над собою – наш долг» (*Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 47).

* * *

Сетовать на обстоятельства истории есть то же самое, что быть в обиде на природу за климат или на время за его неумолимость. Объективные условия становления и развития отечественной государственности и обусловленная ими социокультурная среда предопределили постоянное усиление власти, которая на известном этапе нашей истории стала едва ли не единственным двигателем всей системы. В течение столетий для нашей страны было характерно слияние государства с носителем власти, как бы он ни назывался, и воплощение в нем: если власть зачастую и не произвольна, то во всяком случае она ничем не ограничена, кроме ее собственных представлений об интересах государства и выгоде его подданных, судить о которой дано только ему. Именно это сыграло столь значительную роль в утверждении начал власти, единственно способной сплотить малочисленный народ, населяющий огромные пространства, в единое государство.

Этим предопределялась главная задача власти, заключающаяся в сохранении и преумножении своего могущества. Все иные задачи были подчинены этой главной задаче и главному принципу устройства и функционирования государства. Перед лицом всемогущей власти обращалось в ничто право индивида.

В этом была своя особая логика. Если воздержаться от следования распространенному обычаю судить о прошлом с позиции современных идеалов, следует признать, что именно такая практика государственного строительства, суровая и часто жестокая, требующая отказа от частных интересов во имя государства и добивающаяся этого силой, способствовала величию Российского государства на различных этапах его развития, включая наше недавнее прошлое: Революция и вызванный ею социальный разлом, Гражданская война и иностранная военная интервенция, разруха, угроза оказаться в хвосте исторического развития, постоянная опасность агрессии. Существенное значение имели Великая Отечественная война, потребовавшая мобилизации всех сил народа, и послевоенное восстановление, растянувшаяся на многие десятилетия “холодная война”, вполне реальная угроза ядерной войны.

Восприятие же Россией общедемократических стандартов организации и функционирования общества обусловило потребность в соединении этих двух начал – власти и права. В преодолении взаимного отчуждения власти и общества, восстановлении доверия и уважения граждан к государству и его институтам заключено главное условие стабильности России в своих конституционных

уставах и динамичности в развитии, а также ее цивилизационной и государственной идентичности, которые в условиях глобальной конкуренции подвергаются серьезному испытанию.

Угрозы единству и целостности государства могут исходить извне, например в виде агрессии, но могут быть вызваны внутренними причинами, включая захват власти или деятельность антиконституционных сил, препятствующих функционированию установленного Конституцией правового режима. В последнее десятилетие все чаще наблюдается консолидация этих сил с участниками глобальной конкурентной борьбы, в которой активно используются средства политического, экономического, информационного и даже военного давления.

Этим предопределяется значение учета властью потребностей экономического, социального, политического и культурного развития страны, которое не может основываться ни на игнорировании собственного социокультурного опыта, ни на слепом копировании чужих образцов. Такой учет требует глубокого осмысления особенностей движения России к демократии и правовому государству, базирующемуся на верховенстве права как универсальной основе современной цивилизации. Речь при этом не должна идти об отказе от начал власти и заполнении образовавшегося вакуума началами права, а об их сочетании и взаимодействии. Именно в таком синтезе заключены предпосылка и гарантия обеспечения национальных интересов России, а также единства и целостности Российского государства как формы политико-юридического бытия многонационального народа страны.

В связи с этим нуждаются в научном осмыслении и новации, привнесенные демократией в представления о суверенитете. С демократическим видением организации социума несовместима доктрина так называемого абсолютного суверенитета, по которой суверен не ответствен и не несет никаких обязанностей. Фундаментальный принцип конституционного статуса законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти заключается в признании и конституционном закреплении доминирующего положения в обществе и государстве народа, выступающего в качестве особой юридической личности, которая стоит над всеми властями и обладает первоначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. В силу этого источником государственного суверенитета является суверенитет многонационального народа Российской Федерации, который, принимая

Конституцию и сохраняя за собой учредительную власть, определяет пределы полномочий учреждаемой ею государственной власти, возлагаемые на государство обязанности перед народом, различными социальными структурами, личностью и проч.

Однако из этого не следует делимость суверенитета государства как формы организации политико-юридического бытия многонационального народа – единой государственной гражданской нации России. Суверенитет есть свойство государственной власти, организационно-политический и функциональный, а также юридический принцип ее организации и функционирования, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях. Он един и неделим и не может дробиться между составными частями государства или органами государства; в нем – основополагающее начало государственного развития народа.

В данном контексте уместно отметить, что теория делимости суверенитета в истории политико-правовой мысли дважды выставлялась с политическими целями. Первый раз – в период борьбы с абсолютизмом и утверждения принципов правовой государственности для обоснования ограничения власти монарха и создания “идеального государства”, в основе которого – разделение властей, каждая из которых сама является суверенной.

Второй раз теория делимости суверенитета служила обоснованию конструкции союзного государства. В известной мере она была воспринята и отечественной конституционной практикой на советском этапе ее развития. В частности, ст. 15 Конституции СССР 1936 г. провозглашала, что суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в ст. 14 Конституции СССР, которая перечисляла предметы ведения Союза ССР (внешние сношения, вопросы войны и мира, охрана государственной безопасности и т.п.). “Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно”. Одновременно в ст. 17 устанавливалось, что “за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР”.

Нетрудно заметить, что эта теория, как и основывавшаяся на ней конституционная практика, базировалась на смешении понятий государственной власти и суверенитета и отождествлении суверенитета как свойства государственной власти с опасными для единства и целостности государства представлениями о суверенитете государственного органа. В действительности делится не

суверенитет; рациональная организация государства и власти обуславливает разграничение предметов ведения и полномочий различных звеньев единой публичной власти⁷.

Сегодня теория делимости суверенитета оказывается вновь востребованной и вновь с политическими целями, в частности в связи с процессами европейской интеграции. Так, членами Европейского Союза 29 ноября 2004 г. был подписан Договор, устанавливающий Конституцию для Европы. С этой точки зрения реанимация данной теории в государствах, участвующих в этом процессе, имеет под собой основание (и вполне оправданно), что, однако, едва ли может служить аргументом в ее пользу в отечественной юриспруденции.

Российская Федерация – не гетерогенное объединение разнородных сочленов и не союзное государство. Это – единое и целостное государство, органично синтезирующее единый народ, единую территорию и единую верховную власть. Именно Российская Федерация выступает в качестве единого и единственного суверена, обладающего неотчуждаемым верховенством на всей территории Российской Федерации.

Конституция принципиально исключает деление государственного суверенитета между Российской Федерацией и ее субъектами. Последние обладают при этом рядом исключительных прав, реализуемых ими самостоятельно, но с соблюдением установленных федеральной Конституцией пределов. Федеративное устройство России служит сохранению многообразия различных регионов (включая национальную государственность различных этносов при безусловном характере общедоверального единства) и одновременно выступает способом рационального распределения компетенции и полномочий по вертикали – между Федерацией и ее субъектами.

Автор сознает, что найдется некто, кто поспешит уличить его в некомпетентности, ссылаясь при этом на то, что согласно названию и преамбуле Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации от 31 марта 1992 г. (с протоколом к нему) республики являются суверенными государствами. Разработчики Договора, казалось бы, проигнорировали противоречие, заложенное в самом его названии (суверенные государства в составе другого государства), поскольку суверенность государственной власти связывали не с территори-

⁷ См.: *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 365.

альным верховенством, а с компетенцией, предметами ведения и полномочий. Это был скорее рефлекс на характерную для предшествующего этапа развития отечественной государственности жесткую централизацию властных полномочий, чем констатация политико-юридического состояния взаимоотношений федеральных властей и властей субъектов Федерации. На содержании Федеративного договора сказался и кризис государственности, спровоцированный федеральными властями и отмеченный принятием в начале 90-х годов большинством республик в составе России деклараций о государственном суверенитете, что получило название “парада суверенитетов”.

Важно другое. В мире нет народа или государства, гарантированных от крутых исторических поворотов, надломов или кризисов, вызываемых разными причинами. Мудрость народа и жизнеспособность государства как раз и определяются способностью не потеряться в истории и выйти из кризиса готовыми ответить на вызовы времени. С этой точки зрения совершенно логично, что действующая Конституция РФ, принятие которой явилось первым актом выхода из кризиса начала 90-х, разграничив предметы ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти ее субъектов, а также допустив возможность их перераспределения на основе внутригосударственных договоров, признает суверенный характер исключительно за Российской Федерацией, но не за ее субъектами, включая республики. В равной мере Конституция не предусматривает возможности деления суверенитета России с международным сообществом, что получило особенно выпуклое выражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. по делу о проверке конституционности Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО⁸. Потрепанный в бурях государственного строительства Феникс делимости государственного суверенитета даже в тех исторических условиях, когда принималась Конституция, оказался бессилен перед Державным орлом. Именно суверенитет Российского государства, единый,

неделимый, непогашаемый и неотчуждаемый, составляет политико-юридическую основу единства и целостности России, ее государственной и цивилизационной идентичности, сопрягаемой с открытостью новому и готовностью отвечать на вызовы времени.

Практикой конституционного регулирования различных государств выработаны правовые способы борьбы с угрозами государственности извне и внутригосударственными кризисами порядка функционирования конституционного строя. В частности, Конституция России для защиты от внешней или внутренней угрозы, а также поддержания общественного порядка предусматривает введение особых правовых режимов деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Тем самым государство, само являющееся главным звеном механизма обеспечения единства и целостности отечественной государственности, обладает необходимым инструментарием, гарантирующим идентичность той политико-юридической формы, в которой конституировал себя в качестве единой государственной гражданской нации многонациональный народ Российской Федерации. Именно государство в лице соответствующих властей обеспечивает идентичность России как единого государства и противостоит опасностям, исходящим как от частных лиц, так и от организованных групп. Эта обязанность оберегает сферу публичных интересов и ограждает ее от неправомерного вторжения частных лиц.

Конституционная обязанность защиты, возложенная на государство, обеспечивается не только посредством особых правовых режимов функционирования власти. Она раскрывается самой Конституцией в ряде иных ее положений и опосредуется федеральными конституционными и иными федеральными законами. Непосредственно Конституцией запрещаются создание и деятельность которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Одновременно Конституция гарантирует государственное единство и лежащую в ее основе солидарность посредством установления запретов, обращенных к гражданам, и путем ограничений их прав федеральным законом, поскольку это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Существенное значение имеют актуализация конституционных

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П и развивающее его Определение от 27 июня 2000 г. № 92-О (см.: Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728). Уместно заметить, что эти два акта Суда сыграли особо заметную роль в утверждении единства конституционного пространства России и реализации в социально-правовой практике конституционной (а не договорной или договорно-конституционной) модели Российской Федерации (см.: Комментарии к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.С. Эбзеев. Т. 3. М., 2002).

обязанностей, т.е. их перевод на язык отраслевого законодательства, формирование механизма их исполнения, установление ответственности и т.п.

Кризис может быть вызван актами и самого государства, и его конституционных органов или должностных лиц. Казалось бы, направленные на децентрализацию государства и в этом смысле на утверждение гражданской свободы и политической конкуренции, они на деле способны стать угрозой единству и целостности государства, если в обществе возобладает дух разрушения, а не созидания⁹.

Демократические институты, являющиеся императивом эпохи (свобода слова, митингов и собраний, свобода политической конкуренции и т.п.), имеют свои естественные пределы. Мудрость законодателя заключается в адекватном определении этих пределов, исходя при этом не из абстрактных мифологем, а из реальных условий развития собственной страны и ее места в современном мире. Институты демократии, закрепленные в Конституции России и нормируемые федеральным законодателем с учетом особенностей переживаемого страной исторического этапа и потребностей общества, должны быть гарантированы от использования в целях, противных их назначению, включая дезорганизацию государства или подрыв его конституционного строя. Особенно важно учитывать, что в многопартийности, поскольку она не выкристаллизована социокультурным опытом самого народа и не обрела должной устойчивости, заключены определенные риски, слабости и даже пороки.

* * *

Находящейся в процессе становления демократии угрожают две опасности. Революционный дух требует постоянных реформ, дух консервативный видит сохранение государственной идентичности в неприкосновенности сложившихся организационных и политических форм. Противостояние

между ними влечет периодические кризисы и даже кровавые конфликты. Что же касается указанных конституционных средств и способов блокирования негативных тенденций или их преодоления, их ценность всегда относительна, поскольку ими лечатся симптомы, но не сама болезнь. Логика революции, продиктованная мистической верой в созидательную силу разрушения, не считается с конституцией.

Юристы, в силу профессии и воспитания склонные к преувеличению роли закона, должны согласиться: доминирующее место в системе гарантий единства и целостности государства принадлежит не праву и его институтам, а гражданскому патриотизму. Юристам же надлежит выявить его правовое содержание.

Любовь к Отечеству – не слепое чувство. Дух гражданственности, основой которого являются осознание народом ценности государственного бытия, социальной необходимости тягот, возлагаемых таким бытием, проникновение в смысл общего блага и готовность нести тяготы во имя его достижения, заключается в любви и преданности России, в доверии к отечественной государственности и ее конституционному строю. Быть патриотом – значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, но прежде всего служить обществу и стране¹⁰.

Дух гражданственности есть дух свободы и потому не упраздняет критики, различий в социальных, политических и прочих взглядах и представлениях. При этом свобода слова, печати, митингов и демонстраций, деятельности политических партий и иных ассоциаций, поскольку они никогда не могут простирались до разрушения государства, являются формами проявления гражданского духа. Он не нуждается в политической организации, связывающей его с государственной властью, ибо в противном случае на нет будет сведена свобода критики, что, в свою очередь, породит новые вызовы и угрозы государственной идентичности России.

Гражданский дух требует лояльности по отношению к государству, особенно в периоды, когда идентичность государства и его конституционный строй ставятся под угрозу. На задний план отступает и политическая борьба, уступая место гражданскому патриотизму. Существенно возрастает значение ответственности и добросовестности граждан в пользовании правами и выполнении обязанностей. В этом последнем случае речь идет о месте и роли именно гражданина в механизме

⁹ Выдающийся отечественный государствовед Б.Н. Чичерин предостерегал: «Демократия в основании всей государственной жизни полагает свободу, из которой истекает и равенство; этому началу дается первое место в ряду общественных элементов. Но свобода благотворна только для тех, кто умеет ею пользоваться. Это меч обоюдоострый, который может быть пагубен для неспособного владеть им. Свобода, не знающая себе пределов, во всяком случае представляет значительные опасности. И отдельный человек, предоставленный себе, не всегда достигает должного равновесия своих стремлений. Нередко, увлекаемый страстями, не послушный голосу разума и нравственного чувства, он падает и погибает в бесплодной или преступной жизни» (Чичерин Б.Н. О народном представительстве. Тамбов, 2011. С. 77).

¹⁰ См.: Путин В.В. Указ. соч. С. 7.

обеспечения единства и целостности Российского государства, его ответственности и готовности к служению общему делу. Поэтому в период становления демократии (более чем когда-либо) необходимы не только осторожность самой власти в выборе путей реформирования политической системы общества, но и воспитание ответственности гражданина за общество и государство. В этом смысле ответственность – своеобразный рефлекс свободы выбора личностью того или иного варианта поведения, что, в свою очередь, и составляет существо демократии.

В связи с этим речь идет в том числе о воспитании законопослушания и добросовестного отношения к выполнению обязанностей человека и гражданина, которые обусловлены государственной организацией общества и сочленством индивида в государстве и составляют основу правового порядка. Эти обязанности носят не абстрактный характер, они связаны с типом государства, действуют в рамках конституционной организации Российского государства как государства демократического, федеративного, социального, правового.

Будучи отражением преимущественно публичных интересов (соблюдать Конституцию и законы, платить законно установленные налоги и сборы, защищать Отечество и нести военную службу в соответствии с федеральным законом), обязанности составляют ту базу, на которой развивается государство как единое и целостное образование и публично-правовое оформление общества. Государство без лично-правовой связанности индивидов и обусловленных ею обязанностей граждан (неважно, декларированы они в его учредительном акте или нет) существовать не может в принципе; обязанности – атрибутивное свойство всякого государственно организованного общества, а их добросовестное выполнение – условие его стабильности и развития.

Отсюда, однако, не следует, что единство и целостность государства формируются именно основными обязанностями. Последние конституируют отношения между государственной властью и гражданами и гарантируют государственное единство. Само же государственное единство имеет своим источником прежде всего волю многонационального народа Российской Федерации, но не волю, пусть самую конструктивную, отдельного правообязанного лица. Именно единство многонационального народа России, конституировавшего себя в качестве единой государственной гражданской нации (а именно в

этом прежде всего заключается смысл положения преамбулы Конституции “мы, многонациональный народ Российской Федерации”), и составляет саму фундаментальную основу единства государства и обуславливает полномочия всех властей и их должностных лиц по его поддержанию.

Граждане же участвуют в этом процессе постоянного воспроизводства государственной идентичности России трояким образом: во-первых, участвуя в свободных выборах федеральных органов государственной власти и управлении делами государства; во-вторых, посредством законопослушания и сохранения гражданского мира, т.е. воздержания от поведения, которое могло бы поставить под угрозу единство государства или его конституционный строй; в-третьих, путем несения военной службы и посильного участия в формировании материально-финансовой базы существования государства и обеспечения условий реализации его функций (уплата налогов), а в случае необходимости – защиты Отечества, т.е. посредством выполнения публичных тягот, гарантирующих функционирование государства как единого и целостного организма. Тем самым Конституцией формируется ориентированная на единство и целостность Российского государства солидарность граждан, из которой истекает их ответственность не только “перед”, но и “за”.

С этой точки зрения установленные Конституцией обязанности исключают оппозицию государства и гражданина. Что же касается прав и свобод, они в силу своей природы – “узды для власти” в известном смысле противопоставляют их носителю государству. Но такая оппозиция может развиваться только в легитимированных Конституцией формах, осуществляться соответствующими ей способами и никогда не должна простирается до отказа от законопослушания или разрушения гражданского мира. В противном случае вводится в действие механизм юридической ответственности, эффективность которого, однако, относительна. В связи с этим речь может и должна идти о формировании в обществе и воспитании в гражданах наряду с духом гражданственности юридического духа, ориентирующего граждан на поиск решений политических конфликтов не на улицах и площадях, а в органах правосудия. В этом сегодня проявляется государственный смысл нашего народа, в равной мере далекий и от психологии рабского подчинения, и от психологии революционного обновления в погоне за очередной несбыточной социальной химерой.